

№ 150

Р У С С К І Я В Ъ Д О М О С Т И

ЧЕТВЕРГЪ, 2-го ІЮЛЯ 1909 г.

3

(Изъ письма студента).

...Во вторникъ на Святой 1897 года, яснымъ апрѣльскимъ утромъ, мы собрались въ гости къ А. П. Чехову и взяли на Курскомъ вокзалѣ билеты до Лопасни.

Прошелъ слухъ, что Чеховъ боленъ, и лежитъ въ клиникѣ. Я пошелъ на Дѣвичье Поле справиться въ клиникахъ и узналъ, что къ Пасхѣ онъ выпишется и уѣхаетъ къ себѣ въ Лопасню.

Чехова, какъ человѣка, тогда знали мало, и мы, студенты перваго курса, его горячіе поклонники, воображали себѣ его одинокимъ докторомъ земской больницы, пишущимъ свои рассказы въ свободные отъ службы часы.

Далеко за полдень поѣздъ нашъ остановился у Лопасни. Напрасно спрашивали мы мужиковъ-извозчиковъ, толпившихся около задняго крыльца станціи, гдѣ здѣсь больница, и гдѣ живетъ докторъ Чеховъ. Никакой больницы близко не было. Гдѣ же Чеховъ?

На помощь намъ явился вышедшій съ вокзала съ сумкой черезъ плечо гучеръ.

— Вы къ Антону Павловичу? Пожалуйста, я васъ доведу.

— А гдѣ же живетъ Антонъ Павловичъ?

Недалече, — верстъ 12, больше не будетъ.

— Двѣнадцать?! Какъ быть? Вхоть, — значитъ понасть къ Антону Павловичу подъ вечеръ... Поѣдемъ! Къ ночи вернемся въ Лопасню.

Мы наняли тарантасъ, и вслѣдъ за чеховскимъ почтальономъ потянулись рысью чрезъ желтые глинистые бугры и овражки, поросшіе березнякомъ и осинкой.

Вхали долго. Когда въ сумеркахъ показались деревья усадьбы и ворота длинной изгороди изъ жердей, на небѣ успѣлъ уже прорѣзаться молодой мѣсяцъ. Дулъ сильный вѣтеръ, закатъ густо покраснѣлъ, и стало холодно.

Подъѣхавъ къ усадьбѣ, мы поняли, что Антонъ Павловичъ живетъ не въ больницѣ, а въ усадьбѣ и не одинъ, какъ намъ показалось.

Какъ вторгнуться въ это время въ чужую семью? Почтальонъ исчезъ въ глубинѣ сѣней съ разноцвѣтными стеклами въ боковыхъ окнахъ. На крыльцѣ показалась темная фигура:

— Милости просимъ!

Мы вошли. Насъ ввели въ столовую. Въ комнатѣ находилось много народа. Тамъ былъ отецъ Антона Павловича, его мать, сестра, братья, гости. Кто-то только-что передъ нами прѣхалъ со станціи; нѣтъ оживленнаго разговора. Насъ сейчасъ же усадили за столъ, заставили пробовать пасху, куличъ, домашнюю наливку.

Около насъ сѣла дѣвушка съ ласковыми глазами, похожими на глаза Антона Павловича — Марья Павловна.

Она объяснила намъ, что Антона послѣ заката уходитъ къ себѣ, — она показала на закрытую дверь. Сидѣть долго ему вредно.

— Для васъ Антона, можетъ-быть, сдѣлаетъ исключеніе. Вы — прѣзжіе.

Марья Павловна исчезла въ кабинетъ Антона Павловича.

— Антона проситъ васъ остаться до завтра, а сегодняшній вечеръ проведете съ нами.

Изъ столовой перешли на балконъ. Вѣтеръ продолжалъ дуть, на небѣ проступили яркія звѣзды. Лицъ въ темнотѣ не было видно. Говорили о многомъ, больше всего съ волненіемъ и нѣжностью объ Антонѣ Павловичѣ.

— А вѣдь какъ бы не было дождя. Давеча мальчишки убили ужа, и Антона предсказывалъ.

— Антонъ Павловичъ? — изумился мой спутникъ.

— А вы думаете, Антоша не говоритъ глупостей? Еще какія! — любовно сказала Марья Павловна.

Снять насъ повели въ садовой павильонъ.

Проснувшись часовъ въ шесть, я не понялъ сразу, гдѣ я. Когда я вспомнилъ, какъ мы вчера незванные и непрошенные печально забрались въ домъ къ Чехову, меня охватило чувство стыда. Я одѣлся и сидѣлъ на постели въ самомъ мрачномъ раздумьѣ.

Дверь въ переднюю павильона открылась, послышались шаги. Въ комнату вошелъ высокій человѣкъ въ ватномъ пальто и мягкой шляпѣ. Увидѣвъ меня уже одѣтымъ, онъ подошелъ ко мнѣ, подавъ широкую руку и заговорилъ со мной такъ, точно мы видѣлись только вчера и были давно знакомы.

Я ожидалъ увидеть Антона Павловича слабымъ, медлительнымъ, скучающимъ, а увидать его бодрымъ, энергичнымъ, съ твердой и быстрой походкой, спокойнымъ, увѣреннымъ голосомъ и улыбкой на губахъ.

— Если вы ничего противъ не имѣете, поидемте, господа, въ садъ.

Мы вышли на правильныя аллеи молодого яблоноваго сада. За деревьями, вправо отъ дома, курился маленькій прудокъ, за прудкомъ была деревня. Кругомъ — все тотъ же суглинокъ, овражки, перелѣски, луговины, — пейзажъ Левитана.

Кто-то изъ насъ замѣтилъ это.

— Да, да, — сказали Антонъ Павловичъ, — а вы знаете его? Какой это сильный, могучій талантъ.

— Читали вы, Антонъ Павловичъ, недавнее письмо Л. Н. Толстого къ либераламъ и какого вы мнѣнія о нашихъ студенческихъ волненіяхъ?

— Университетскія движенія, по-моему, — сказали Антонъ Павловичъ, — вредны.

*) Къ пятой годовщинѣ со дня смерти.

вредны тѣмъ, что оттягиваютъ и губятъ много силъ напраслу. Каждое такое волненіе сокращаетъ силы интеллигенціи. Этихъ силъ такъ мало, обходятся онѣ такъ дорого, столько ихъ пропадаетъ и безъ всякихъ университетскихъ волненій, что незачѣмъ заботиться объ увеличеніи числа жертвъ, уносимыхъ жизнью. Надо работать и работать, — съ отѣнкомъ горечи заговорилъ А. П. — Дѣла много, безбоянно много. Надо бороться съ темными силами здѣсь, на мѣстѣ, бороться съ нуждой, невѣжествомъ и тѣмъ, для кого невѣжество выгодно...

Разговоръ перешелъ на литературную работу. Мой спутникъ былъ немного причастенъ къ ней и сталъ жаловаться на тѣ трудности, съ которыми приходится встрѣчаться въ поискахъ труда.

Чеховъ улыбнулся улыбкой спокойной и ласковой, улыбкой старшаго брата на дѣтскую жалобу.

— А вы пробуйте, — сказалъ онъ. — Посылайте въ разныя редакціи, посѣщайте ученыя Общества, составляйте отчеты о засѣданіяхъ. Я начиналъ такъ. Важна привычка къ работѣ, знакомство съ техникой дѣла. Постепенно войдете въ кругъ этой профессіи, пересознаетесь съ людьми, завяжете отношенія. Хорошо было бы основать студенческую газету, въ которой участвовало бы побольше молодежи. Пусть получаютъ по двѣ копѣйки со строчки, что за бѣда! За-то сколько можетъ увлечь этотъ трудъ.

— Антонъ Павловичъ, можно вамъ задать одинъ вопросъ... Есть что-нибудь реальное въ фабулѣ «Разказа неизвѣстнаго человѣка?»

Антонъ Павловичъ засмѣялся.

— Да, кое-что, кажется, есть. Только я не совсѣмъ твердо помню содержаніе этого давнишняго разказа.

— А профессоръ въ «Случайной исторіи», это — Бабухинъ?

— Нѣтъ, это — лицо собирательное, хотя многое взято съ Бабухина.

Чеховъ засмѣялся своимъ милымъ смѣхомъ и спросилъ, знаемъ ли мы А., издателя или редактора одного теперь преобразившагося толстаго журнала.

— Какъ его провели! — смѣялся онъ недавней исторіи съ посмертнымъ стихотвореніемъ Кольцова, присланнымъ въ этотъ журналъ и помѣщеннымъ въ немъ въ качествѣ любопытной находки. Стихотвореніе было поддѣльное, и акrostихъ первыхъ буквъ каждой строки составлялъ фамилію издателя и не особенно лестный эпитетъ къ ней.

— Антонъ Павловичъ, вы встрѣчались съ А. Н. Толстымъ?

— Какъ же, встрѣчался; когда я лежалъ въ клиникахъ, онъ былъ у меня. А раньше я былъ у него въ Ясной Полянѣ.

Антонъ Павловичъ разсказалъ намъ свое посѣщеніе Толстого и вспомнилъ, какъ А. Н. тотчасъ же по ихъ пріѣздѣ (Чеховъ былъ не одинъ, дѣло было раннимъ лѣтомъ, утромъ) повелъ ихъ купаться, и первый разговоръ у нихъ происходилъ по горло въ водѣ.

Мы сидѣли на лавочкѣ въ концѣ аллеи. Солнце поднялось и стало грѣть. Около насъ на пескѣ со сосредоточеннымъ видомъ вертѣлись двѣ маленькія таксы Антопа Павловича Бромъ и Хина. Позвали въ столовую къ чаю. На этотъ разъ въ столовой были мы вдвоемъ, да только-что вставшая Марья Павловна. Антонъ Павловичъ продолжалъ разговоръ о студенческой газетѣ.

— А. П., какъ вы пишете? Такъ же помногу разъ перечисываете, какъ Толстой, или нѣтъ?

А. П. улыбнулся.

— Обыкновенно пишу начерно и перечисываю набѣло одинъ разъ. Но я подолгу готовлю и обдумываю каждый разказъ, стараюсь представить себѣ все подробности заранее. Прямо съ дѣйствительности, кажется, не списываю, но иногда невольно выходитъ такъ, что можно угадать пейзажъ или мѣстность, нечаянно описанныя...

Чтобы поспѣть на утренній поѣздъ, надо было ѣхать. Мы стали собираться и хотѣли пойти искать лошадей на деревнѣ, но А. П. настоялъ, чтобы ѣхали мы на оныхъ лошадяхъ.

— Кучеръ вашъ довезетъ до усадьбы нашего «свиризнаго» сосѣда С. Я. вамъ дамъ записку, и С. дастъ вамъ лошадь. На ней вы доѣдете до Лопасни.

Пока запрягали, А. П. позвалъ насъ къ себѣ въ кабинетъ. Это была узкая, продолговатая комната, съ низкими окнами, очень просто обставленная и аккуратно прибранная. На письменномъ столѣ, поставленномъ поодаль отъ стѣны, лежалъ французскій медицинскій журналъ. Изъ окна позади стола виднѣлся за деревьями прудокъ. На стѣнѣ висѣлъ странный рисунокъ «Волшебный театръ», похожій на иллюстраціи къ Эдгару По. Одинокія руины и кругомъ дѣсь, тускло освѣщаемый сквозь тучи луной.

А. П. подвелъ насъ къ низенькому книжному шкафу, досталъ съ полки кучку лежащихъ на ней томиковъ своихъ сочиненій суворинскаго изданія и предложилъ намъ выбрать, кому что поправится. Мой спутникъ потянулся къ «Хмурымъ людямъ», а я — къ «Шалатъ № 6».

А. П. издѣлалъ пошлостъ и сѣлъ къ столу. Лицо его сдѣлалось внимательнымъ, такимъ, какимъ онъ снятъ на портретахъ послѣднихъ временъ. Онъ спросилъ наши имена и своимъ мелкимъ, кругловатымъ почеркомъ надписалъ обѣ книжки, помѣтилъ время и мѣсто: 97 16/IV, Мелихово.

Подали лошадь, надо было ѣхать. А. П. вышелъ съ нами на крыльцо.

— А. П., можетъ быть, въ Москвѣ, по-пути, завернете и къ намъ?

— А гдѣ вы живете?

А. П. записалъ наши адреса въ книжечку.

— Спасибо. Непременно.

Въ сосѣдней усадьбѣ насъ приняли очень ласково, и «свиризный» сосѣдъ далъ намъ лошадь, запряженную въ бѣговыя дрожки.

Антонъ Павловича я больше не встрѣчалъ.

А.

Комментарий

Бабухин Александр Иванович (1827–1891) – гистолог, физиолог и эмбриолог; заслуженный профессор Московского университета (1865), основатель московской гистологической школы. Внёс большой вклад в развитие физиологии, гистологии и бактериологии в России. Один из прототипов Николая Степановича в «Скучной истории» Чехова.